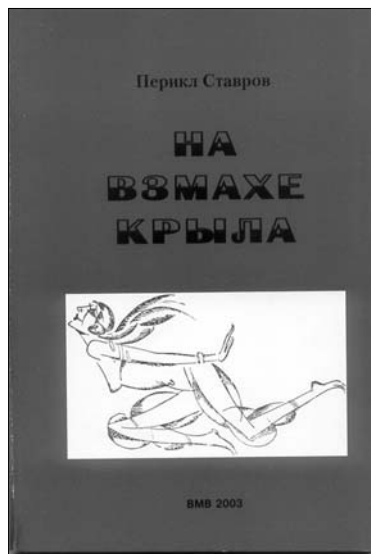

По пути к Ставрову

При финансовой поддержке Греческого фонда культуры в Одессе вышла книга стихов и прозы П. Ставрова. В этой связи заместитель директора Одесского литературного музея Алена Яворская задала несколько вопросов одному из составителей и комментаторов этого сборника, сотруднику русской редакции Международного французского радио, ведущему передачи "Литературный перекресток" Виталию Амурскому.

— Возвращение в Одессу литературного наследия умершего в эмиграции, во Франции, Перикла Ставрова представляет собой событие исключительного интереса. Дело в том, что до последнего времени имя это было известно в нашем городе лишь немногим историкам литерату-

ры и библиофилам. И вдруг — каскад стихов, прозы, интересных воспоминаний... Не могли бы вы рассказать, как получилось, что его творчество оказалось в центре вашего внимания? Легко ли было отыскать в Париже такие старые публикации?

— Своим "открытием" этого незаслуженно забытого писателя, поэта я полностью обязан своему другу и коллеге, одесскому журналисту Евгению Голубовскому. Обладая редким экземпляром выпущенного в Париже в 1933 году поэтического сборника Ставрова "Без последствий" и намереваясь опубликовать по возможности полный корпус его поэзии на родине, несколько месяцев назад он обратился ко мне с вопросом: нельзя ли найти во Франции второй сборник мастера — "Ночью"? Заодно была высказана просьба — узнать что-либо о судьбе Ставрова... Признаюсь, ничего толком ответить сразу на это я не мог. Впрочем, сняв со своей полки известную антологию русской зарубежной поэзии "На Западе", составленную Юрием Иваском, и полистав ее, я нашел там четыре стихотворения Ставрова. Стихи, на которые прежде я как-то не обращал внимания

Сотрудники и авторы парижского журнала "Числа", 1934 г.
Стоят (слева направо): М. Ларионов, Б. Поплавский, В. Мамченко, В. Яновский, А. Руманов, Ю. Фельзен, Ю. Мандельштам, Н. Оцуп, Г. Раевский, В. Смоленский, С. Стасин, Ю. Терапиано, А. Гингер, В. Варшавский.
Сидят (верхний ряд): С. Шаршун, Д. Кнут, С. Прегель, Е. Бакунина, Л. Червинская, И. Одоевцева, Д. Мережковский, Г. Адамович, З. Гиппиус, Г. Иванов.
Сидят (нижний ряд): П. Ставров, А. Алферов, Ю. Софиев, Б. Дикой, А. Буров, В. Злобин, Л. Кельберин.

(возможно, потому, что они как бы растворялись в большой книге). Теперь, при более пристальном знакомстве, они показались мне интересными, а главное — как-то неожиданно — близкими мне по духу... Это было начало. Со сборником "Ночью" все получилось довольно просто. Я нашел его в парижской русской библиотеке им. Тургенева. Правда, поскольку вышел он до войны и был зарегистрирован в разделе редких изданий, возник вопрос, как сделать с его страниц ксероксы? В самой библиотеке копировальной машины нет, брать на дом редкие издания оттуда нельзя. Выручило исключительно доброе, доверительное отношение ко мне главного библиотекаря Татьяны Gladковой. Не просто библиотекарь, а большой знаток эмигрантских изданий, научный сотрудник, давно и серьезно занимающийся историей русских книг, журналов и газет за рубежом, узнав о цели, с которой мне потребовался ставровский сборник, она в порядке исключения позволила мне взять его на небольшое время для соответствующей работы в копировальной мастерской. Идентично оказалось

с несколькими старыми эмигрантскими журналами. Со своей стороны, я обязался (и, естественно, сдержал слово) — ни в коем случае не повредить хрупкие от времени страницы и обложки. В библиотеке им. Тургенева в общей сложности мне удалось найти примерно десяток публикаций Ставрова, то есть, практически все, что там имелось. Далее начиналась зона, полная неизвестности. В частности, о жизни этого бывшего одессита, о том, как он попал во Францию. Несколько заметок в разных справочниках на этот счет были довольно скудны...

Зная, что Ставров скончался в феврале 1955 года, я решил полистать русские эмигрантские газеты этого периода, надеясь найти там какие-нибудь публикации, проливающие свет на его судьбу. В библиотеке Института славяноведения, где несколько лет назад хранилось довольно большое их число, теперь, как выяснилось, остались лишь "крохи". Основной газетный свой фонд они передали Библиотеке современной международной документации в Нантере. Однако до того как отправиться туда — это один из северо-западных пригородов Парижа, — я все же разыскал в Институте славяноведения номер газеты "Русские новости" от 18 февраля 1955 года, где был опубликован небольшой некролог "П.С. Ставров", подписанный инициалом С. Кто скрывался за этой буквой, выяснить мне не удалось. Впрочем, это была "первая ласточка". Расчет мой оправдался. Найденная позднее в книжном хранилище Нантера, в нью-йоркской газете "Новое русское слово" того же периода, статья Юрия Терапиано дала по-настоящему яркое представление о Ставрове.

Что касается Библиотеки современной международной документации, в которую я получил допуск как журналист, то именно она явилась основной сокровищницей, где мне повезло разыскать целый ряд рассказов и воспоминаний Ставрова, напечатанных в Америке, снять с них копии (когда это было возможно — на машине, а подчас просто-напросто от руки). Вообще, несмотря на замечательную систему хранения, находящиеся сейчас в Нантере многие газеты, в частности, номера 40-50-х годов, не только читать, но даже перелистывать было непросто. Печатавшиеся на очень некачественной бумаге, пожелтевшие, сильно потемневшие места, особенно на изгибах, их страницы стали такими же непрочными, хрупкими, как сухие табачные листья или крылья бабочек... Но, право, какое удовольствие испытывал я, погружаясь в запечатленную в них эпоху, изредка встречая там тексты Ставрова!.. Увы, многих номеров по интересующему меня послевоенному периоду не хватало. Это не значит, что в них непременно были его публикации. Но — быть могли... Я шел в своем

поиске фактически вслепую, то есть, не имея никаких сведений на этот счет. Назвать это работой? Да, безусловно, это была в известной мере большая, трудоемкая работа, на которую я тратил немало времени в читальном зале, и на дорогу — в один конец больше часа езды от дома... Причем, не один раз. Но занятие это освежало чувства, мысли, я испытывал от него духовный подъем. Говоря о таких поисках и находках, я хотел бы добавить, что рядом полезных советов информационного характера меня поддержал давний работник русского книжного магазина "Объединенные издатели" Алик Хананье, а также один из очень серьезных знатоков и историков русской эмиграции во Франции Андрей Корляков. Именно он, например, дал мне фотографию авторов и сотрудников русского парижского журнала "Числа", на которой запечатлен и Ставров. Снимок этот довольно хорошо известен, неоднократно воспроизводился, однако — никогда в таком четком, качественном виде, как у Андрея. Дело в том, что в его личном собрании находится оригинал, сделанный с негатива, а не какая-то повторенная многократно, потерявшая резкость перепечатка... Вот так, если угодно, с миру по нитке, оказалась соткана теперь "рубашка" ставровского литературного наследия. Естественно, тут я не касаюсь одесских поисков и находок...

— А в Национальной библиотеке Франции разве нет старых русских газет, журналов?

— Конечно, есть. И не только там, но в других местах. Тем не менее, чтобы всерьез кропотливо заниматься их просмотром, выборкой отдельных публикаций, нужно время. В моем распоряжении его было не очень много. Не сомневаюсь, однако, что все, что мне удалось разыскать, вкуче с тем, что разыскал и собрал Голубовский, на сегодняшний день представляет самое полное, лучшее собрание стихов Ставрова и разбросанных по разным периодическим изданиям его публикаций в прозе.

— Ставров упоминается в "Дневниках" Зинаиды Гиппиус, в мемуарах Нины Берберовой "Курсив мой", в опубликованных письмах Георгия Адамовича, в "книге памяти" Василия Яновского "Поля Елисейские"... И все же, кажется, при всем том, творчество его оказалось, по существу, забыто историками эмиграции и литературоведами... Чем это можно объяснить?

— Действительно, несмотря на то, что имя Ставрова встречается у многих известных литераторов, составлявших цвет первой волны русской эмиграции (встречается, впрочем, в основном мельком), найти рациональное объяснение, почему он оказался обойден должным внимани-

ем тех, кто писал, пишет об этой эмиграции, мне трудно... Следует учесть, конечно, что Ставров исключением не является. По-настоящему полной, серьезной работы, в которой синтезировался бы разнообразный накопленный разными специалистами материал о русских писателях и поэтах, живших и работавших в изгнании, пока не существует. Есть отдельные статьи, исследования о том или ином авторе, о литературных группах — целостная же панорама этой части русской творческой интеллигенции еще не создана. Замечу, тот же Яновский, живший в Париже до войны, великолепно знавший обстановку в среде русской эмиграции, писал: "Вообще, когда перелистываешь старые журналы, внимание привлекают зачастую не "ведетты", а имена поэтов, стоявших "в тени", вроде Заковича, Дряхлова, Ставрова...". Ну, со Ставровым сейчас ситуация стала меняться... А многие ли читали, знают упомянутых Заковича и Дряхлова? Я сам знаком с их творчеством лишь по некоторым антологиям. Собственные же их книги мне не встречались никогда. И это — за многие годы жизни во Франции! Что же говорить о русском читателе на родине, который в советскую эпоху был вообще лишен возможности приближаться к творчеству земляков-эмигрантов. Лишь в последние десять с лишним лет у такого читателя появилась возможность наверстать упущенное. Но упущенного оказалось, увы, очень много... Прекрасно, что в Москве стали издавать литературное наследие исключительного поэта и прозаика, умершего (покончившего с собой) в 1935 году Бориса Поплавского, а, допустим, Анна Присманова — поэт Божьей милостью! — мелькает пока лишь как бы мимоходом на страницах отдельных антологий... Жаль! Думаю, в судьбах поэтов и писателей эмигрантов, в частности "парижской ноты" (я предпочитаю: "парижского цеха"), многое предопределилось случайностями. Ставров как поэт и писатель, на мой взгляд, работал на очень хорошем уровне. Его язык чист, образы рельефны, в каждом произведении есть своя идея, мысль... Все очень пластично. Вероятно, по "гамбургскому счету" Ставрова можно занести в категорию литераторов "второго ряда". Однако при этом не следует забывать, что в "первом" находились не какие-то случайные фигуры, а величины поистине огромные: Бунин и Зайцев, Мерешковский и Гиппиус, Цветаева и Ходасевич, Георгий Иванов и Маковский, Ремизов и Бальмонт!.. В дружеский круг Ставрова входили молодые поэты и прозаики, печатавшиеся, как и он, в "Числах", "Современных записках", "Русских записках", "Новоселье" и других изданиях; он бывал на воскресных встречах в Кламаре у Бердяева, общался с такими крупными французскими писателями как Андре Мальро, Клод Аве-

лин, Дрие ла Рошель (это подтверждает Терапиано); поддерживал товарищеские отношения со своими, получившими всемирную известность земляками, Ильей Ильфом и Евгением Петровым... — представить себе, что это оказалось случайностью, невозможно. То есть, в Ставрове я совершенно определенно вижу большую, яркую, многогранную личность.

— Что может дать современному читателю чтение поэзии и прозы Ставрова? Насколько творчество его актуально?

— Хорошая, нравственно чистая литература — а этими качествами отмечены многие страницы Ставрова — актуальна и нужна всегда. Я понимаю, что говорю банальные вещи. Но на сегодняшний день, когда на русском книжном поле все смешалось — рядом с гениальными стихами Ахматовой и Мандельштама, например, оказались откровенно придурковатые сочинения Веры Павловой (за которые она, впрочем, получила престижную российскую премию им. Аполлона Григорьева!) или искусственные словесные фокусы Пригова; когда русским писателем, продолжающим прямо "традиции Гоголя и Достоевского" некоторые литературоведы, а особенно часто — западные слависты, без стыда величают апологета трупологии Мамлеева, когда сексуально извращенная тематика, и еще больше — ругань романа "Голубое сало" обеспечили Владимиру Сорокину чуть ли не национальную славу, о которой не мог бы даже мечтать Михаил Булгаков... — на подобном фоне (увы, он не замыкается лишь названными именами), думаю, мне, появление любой публикации, в которой сохраняется не просто нормативная лексика, но родниковый русский язык, подлинные культурные традиции — можно и нужно лишь приветствовать.

— Не сгущаете ли вы несколько краски?

— Субъективность мне не чужда, но при этом, уверяю вас, я никому ее не навязываю. Для меня несомненно — русская современная литература не замыкается названными именами. В ней есть прозаики и поэты, не утратившие культуру слова, мысли, этики... Тем не менее, альфу и омегу этой литературы сегодня определяют не они, а скорее (в лучшем случае, то есть без экстремизма разных толков и порнографии), Пелевин, Маринина, Акунин... Но возьмем, к примеру, последнего. Знаете, я с удовольствием читаю в метро его книги о сыщике Фандорине или о приключениях монахини Пелагии, жду появления продолжений таких историй. Тем не менее, давайте согласимся, это не литература, а цирк. В цирке интересно побывать. Оставаться же там постоянно или очень долго даже признательному зрителю — нелепо. Так вот, когда Акунин соблюдает "правила

игры", приглашая меня, читателя, в заманчивые лабиринты своих стилистически тонко сплетенных повестей, в свой детективный "цирк", я отношусь к этому надлежащим образом, то есть с должным уважением к профессионализму автора. Когда же, однако, имя Акунина появляется в печати и на театральной афише рядом с Чеховым, и знаменитая "Чайка" превращается в объект непрошеного соавторства, тут, простите, чувство юмора меня оставляет... Я называю это профанацией литературы, искусства. Загримированная литературная посредственность, безусловно, чувствует себя хорошо прежде всего там, где нет требовательного читателя и критика.

Немного, если позволите, об этом. О русских в Париже, о "русском" довоенном Париже существует довольно большая литература, от Тэффи и Дон-Аминадо до Одоевцевой, Терапиано, Андрея Седых, Гуля, Бахраха или, скажем, упомянутого уже Яновского... Но вот, что удивительно — вместо того, чтобы обратиться непосредственно к их книгам, которые сейчас почти все перепечатаны с западных изданий в России, читатель стремится получить эти же истории в сладковато-наивных пересказах Бориса Носика!.. Тут, впрочем, для меня заключается загадка читательской души. Вернее, я понимаю это лишь как одно из конкретных проявлений резкого снижения у русского читателя критических критериев, вкуса. То есть, говоря о разных аспектах современной русской литературы, я действительно не могу избавиться от ощущения, что ситуация в целом очень и очень незавидная. Наличие в ней Битова, Аксенова, Жванецкого, Евгения Попова, Маканина, Улицкой, еще горстки серьезно работающих авторов (я — о тех, кто, слава Богу, находится в здравии), ободряет, но нарушенного в целом баланса не восполняет. Возвращаясь к Ставрову, полагаю, его творчество следует считать частью подлинной, выдержавшей испытание временем, скромной внешне и глубокой по сути русской культуры. Даже если ее остается не очень много, она необходима.

— **Где похоронен Ставров, в каком состоянии находится его могила?**

— Судя по некрологам, под Парижем, на кладбище городка Брюнуа. Я начал поиски его следов поздней осенью прошлого года. Мысль о поездке на это кладбище возникла сразу же, как только выяснилось это место. Однако затем решил отложить поездку до теплых дней начала лета, когда сумерки наступают позднее, земля сухая, можно не спеша походить по дорожкам, поискать надгробную плиту или крест. Возможно, что-то сохранилось. Делать какие-либо прогнозы мне не хочется.

Мосье Жан

"Асфальт и герани, красные, бледно-розовые, на чистеньких клумбах. На Украине такие на широких, битой глины "призбочках" по деревьям. Цветы на асфальте, последний отклик полей... какие, впрочем, поля в Сэн-Мартэне, больше асфальта, чем полей. Мишу бьет по асфальту ножкой, кричит "alerte", когда летят авионы. По-русски "alerte" — тревога, кажется. Мишу никогда не скажет — тревога... добри вечор, рара, qu'il dit. Пять. Не забыть бы пять поручений Жанины. Как она кричала, когда я ей нож под сердце подводил... Как ей понять такое".

Кричала не Жанина. Кричала, истошно визжала свинья Маша, кося белесыми, проснувшимися от ужаса глазками на страшные приготовления для страшного дела. Дело было, впрочем, простое, житейское. Мосье Жан заколол вчера свинью для засола на зиму и для "черного рынка". Мишелю нужны ботинки — раз, Жанине — меховая шубка — два, и прочее, и прочее.

В дороге делать нечего. С игрушечного вокзала в темноватый вагон, а там сиди и жди, пока попадешь в нужную тебе точку. Дремать можно, крестословицы решать, позевать, скользить взглядом по мелькающим в окне видениям.

Мысли текут лениво. Вот соседка даже рот раскрыла, задумавшись, и вздыхает по временам.

Оттого и мосье Жану можно побыть Иваном Николаевичем, студентом с философией или юнкером с благими порывами. Мосье Жан тоже не исчезает, конечно. Красная полоска летнего загара на лбу, слишком грубые руки, костюм деревенского конфексионера, — но есть остатки военной выправки и некая мечтательность взгляда.

"Да и мне, собственно, как понять такое. Вчера — дорогая Маша, а сегодня — на крюке подвешена... даже глядеть страшно. Это жизнь, как говорится. Эх, жалко, Маша, что жизнь не наша... Философствуешь, а поручения забудешь... Хорошо, если с этим Кривцовым дело слажу, — а если нет... Маша ждать не может".

Поезд бежит (бег неважный, едва ли сорок в час), вагоны скрежещут на поворотах, по стеклам бегут, нарастая, исчезают мгновенно капли дождя. Рыжие поля, неожиданная зелень огородов, игрушечные, смешные домики.

* Рассказ П. Ставрова получен редакцией из Парижа.